

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

повествующая о том, как дух — страж времени на горе Пиндиншань предупредил об опасности и как у пещеры Лотоса Дурень попал в беду

Итак, Сунь У-кун вернулся к Танскому монаху, и с этого момента и учитель и ученики были охвачены единым стремлением: идти на Запад. Прошло много времени с тех пор, как они спасли принцессу страны Баосянго и правитель со своей свитой проводил их с почетом из города. Немало трудностей пришлось перенести им: они терпели голод и жажду, останавливались только на ночь, а с рассветом снова пускались в путь. Наконец наступила весна.

Закачал, как шелковинки,

Ветер ветви тонких ив,

Этот край неизъяснимо

Живописен и красив.

Здесь тепло цветы раскрыло,

Чтоб повеял аромат,

И во двор, к цветенью яблонь,

Снова ласточки летят.

Это время заставляет

Снова птиц счастливых петь.

Хорошо на мир цветущий

С любованием глядеть!

Всюду светлые дороги

В красном мире пролегли,

Блещут пышные одежды,

Льется музыка вдали...

Дуют в дудочки травинок,

Ночь не кажется длинна,

Проходящая в беседе

За кувшинами вина.

И вот однажды, когда Трипитака и его ученики наслаждались окружающей природой, путь им снова преградила гора. — Ученики мои, — молвил Трипитака, — будьте осторожны. Боюсь, что на этой горе живут оборотни. Как бы они не причинили нам вреда.

— Учитель, — отвечал Сунь У-кун, — монах не должен рассуждать как мирянин. Помните, что говорил о сутре Праджна парамита почтенный монах У-чао: «В сердце не должно быть забот. А когда в сердце нет забот, то нет и страха, и мечты уносятся далеко». Нужно только очистить свое сердце от скверны и омыть пыль с ушей своих. Тот, кто не испытал самых горчайших страданий, тот не может стать выше других. У вас нет каких-либо причин для беспокойства. Когда я с вами, пусть хоть само небо обрушится на землю, — вы будете в полной безопасности. Так стоит ли бояться каких-то оборотней!

Остановив коня и обернувшись к Сунь У-куну, Трипитака сказал:

В тот год, получивши указ, я пошел на Закат,

Чанъань я покинул, чтоб Будде с мольбой поклониться.

Там статуи золотом в пагодах Шэли горят,

Седой волосок меж бровями у Будд серебрится.

Я много прошел не имевших названия рек,

Как волны, вставали хребтов непрерывных громады,

Я горы прошел, где еще не ступал человек...

Когда ж перестанут в пути мне встречаться преграды?

Выслушав это, Сунь У-кун расхохотался.

— Ведь добиться свободы не так уж трудно, — сказал он. — Если вы успешно выполните возложенную на вас миссию, то перед вами откроются все пути, вы сделаете все, что вам предначертано судьбой. И разве тогда вы не будете полностью свободны?

Трипитаке очень понравились слова Сунь У-куна, и, забыв все свои сомнения, он подстегнул коня и поспешил вперед. Въехав в горы, наши путники увидели, что места здесь необычайно суровые, изобилующие кручами.

Острые пики,

Грозные скалы,

В темных ущельях

Всюду обвалы;

В горных потоках
Игры дракона,
Хвост виден тигра
В чаще зеленой.
Вверх к небесам
Обращаются взоры:
Небо пронзили
Острые горы.
А обернешься —
В нижней долине
Воздух, как небо,
Светлый и синий.
Горы восходят
Лестницей тесной,
Падают горы
Кручей отвесной.
Смотришь — и в сердце
Вдруг удивленье:
Пиков, утесов
Нагроможденье.
Знахарь-искатель
Разных растений,
Все ж устранился бы
Этих ступеней.
И дровосек
Пред отвесным обрывом
Вдруг отступает,
Став боязливым.

В дальнем ущелье,
На перевале,
Дикую лошадь
Люди встречали.
Мчатся архары,
Яки лавиной
С пастбищ нагорных
Сходят в долины.
Волчья свирепо
Мечется стая,
Чарам подвластна,
А не простая.
Тропы покрыты
Дикой травой,
Конь пропадает
В ней с головою.
Как без дороги
Не заблудиться!
Будде не сможем
Мы поклониться.

И вот, когда продвигаться вперед стало почти невозможно, Трипитака в нерешительности придержал коня, они вдруг увидели на зеленом склоне дровосека, И вы только взгляните, как этот дровосек был одет:

Из синего войлока шляпа
Имела затейливый вид,
И черный халат его — тоже,
Казалось, особенно сшит.
И шляпа хранила от солнца,

От стужи — халат защищал;
Наточенный остро топорик
Старик, улыбаясь, держал.
С нарубленным хворостом шел он,
Вязанку неся за плечом,
И в стужу и в знойную пору
Старик не грустил ни о чем.
Был занят всегда размышленьем
И праздных он чувств не имел,
И звездных богов беспокоил
Такой необычный удел.
Доволен своею судьбою
Он был и в преклонных годах.
Какой же позор или слава
Его задержали в горах?
Рубя дрова в густом лесу на склоне,
Он увидел почтенного монаха,
Который путь с Востока направлял.
Тогда он тотчас прекратил работу,
Из лесу вышел быстрыми шагами
И поднялся на горный перевал.

— Почтенный монах, — крикнул он Трипитаке. — Остановитесь на минутку, я хочу вам кое-что сказать. В этих горах водятся свирепые чудовища, которые пожирают путников.

Услышав это, Трипитака задрожал от страха и едва не свалился с коня.

— Вы слышали, — обернулся он к ученикам, — что сказал дровосек. Кто из вас согласен пойти к нему и подробно расспросить обо всем?

— Не тревожьтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Я пойду и в один момент все разузнаю.

И он, широко шагая, стал подниматься в гору. Подойдя к дровосеку, он приветствовал его, как старшего брата, и стал расспрашивать. Ответив на приветствие, дровосек поинтересовался:

— Почтенный монах, что привело вас в эти горы? — Не стану вас обманывать, — отвечал Сунь У-кун. — Мы идем из Китая в Индию за священными книгами. Видите, на коне сидит человек? Это наш учитель. Он не очень-то храбрый и как только услышал о том, что в этих горах водятся чудовища и оборотни, сразу же послал меня подробно расспросить вас об этом. Скажите, пожалуйста, какие здесь водятся демоны и оборотни и когда они стали таковыми? Только говорите прямо: сильны ли они, или же это всего-навсего птенцы желторотые? Тогда я могу послать горных духов и духов земли, чтобы они вернули их на прежнее место.

Выслушав его, дровосек поглядел на небо и громко расхохотался.

— Да ты, оказывается, сумасшедший, — сказал он.

— Отчего же сумасшедший? — удивился Сунь У-кун. — Я ведь правду говорю.

— Какая же это правда? — продолжал дровосек: — И как можешь ты говорить, что выгонишь духов.

— Что-то ты чересчур усердно расписываешь их могущество и своей глупой болтовней стараешься задержать нас. Не иначе как ты им сродни. А если не сродни, так сосед или добрый приятель.

— Ну ты, кажется, и впрямь спятил, — смеясь сказал дровосек. — Почему ты такой невежа? Я, можно сказать, из самых хороших побуждений решил предупредить вас, чтобы вы в пути были осторожнее, а ты ни с того ни с сего напустился на меня. Тут дело даже не в том, знаю я или не знаю, где водятся эти духи и оборотни, просто интересно, каким образом ты хочешь изгнать их отсюда.

— Если это небесные духи, я отошлю их к Нефритовому императору. Если земные — пусть отправляются в преисподнюю. Западные духи вернутся к Будде, а восточные — возвратятся к Лао-цзюню; северные — будут отосланы к Сюань-у, южных прогоню к Шэнь-нуну. Если здесь обитают духи из породы драконов, я отошлю их к владыке ада — Янь-вану. Ведь каждый из них имеет свое место, а у меня повсюду есть знакомые, которые выдадут им соответствующие бумаги, и они вмиг вылетят отсюда.

— Нет, ты действительно сошел с ума, — расхохотался дровосек. — Даже тот, кто обладает способностью передвигаться на облаках, знает колдовство, умеет изгонять нечистую силу и усмирять чертей, и то не осмелится связываться с этим злобным чудовищем.

— Откуда ты знаешь, что он злобный? — спросил Сунь У-кун.

— В шестистах ли от этой горы, — сказал дровосек, — есть гора Пиндиншань, а на этой горе — пещера, известная под названием «Цветы лотоса». Так вот, в этой пещере живут два повелителя демонов. Они рисуют кабалистические знаки, при помощи которых вылавливают проходящих монахов. Главная же цель их — изловить и сожрать Танского монаха. Так знай, если вы пришли не из Танской империи, то все обойдется благополучно. Если же вы имеете хоть какое-нибудь отношение к Танам, то даже не думайте продолжать свой путь.

— А мы как раз идем из Танской империи, — сказал Сунь У-кун.

— Ну, тогда вас наверняка съедят, — произнес дровосек.

— В таком случае нам повезло! — воскликнул Сунь У-кун. — Интересно только, как они будут есть нас? — спросил Сунь У-кун.

— А как бы ты хотел? — спросил дровосек.

— Если они начнут с головы, это будет одно удовольствие, — сказал Сунь У-кун. — А вот если с ног, худо нам придется.

— Не все ли равно, — удивился дровосек, — с ног они начнут или с головы.

— Да у тебя, я вижу, мало опыта, — отвечал Сунь У-кун. — Как только они откусят голову, я буду мертв. И после этого что бы со мной ни делали: пусть жарят, варят, — я не буду чувствовать. Но если они начнут с ног и будут грызть меня по кускам — вначале съедят ногу, потом дойдут до половины туловища, — это причинит мне ужасные страдания. Вот почему я и говорю, что это плохо.

— Да что ты, монах, — сказал дровосек, — разве у них есть столько времени. Как только они схватят вас, то сразу же сунут в котел, сварят и целиком сожрут.

— Ну, это еще лучше, — засмеялся Сунь У-кун. — Тут даже боли никакой не почувствуешь. Правда, душно будет немного.

— Ты вот что, брось шутить, — сказал дровосек. — Повелитель духов всегда носит при себе пять драгоценностей и обладает огромной волшебной силой. Да если бы опорой Танского монаха был нефритовый столб, на котором держится небо, и золотые балки, подпирающие моря, то все равно человек, который решился сопровождать и охранять Танского монаха, обречен на сумасшествие.

— А сколько раз у него помутится рассудок? — спросил Сунь У-кун.

— Да раза три-четыре, — отвечал дровосек.

— Ну, это пустяки, об этом и говорить не стоит, — сказал Сунь У-кун. — У нас в год обычно раз восемьсот мутится сознание, а три-четыре раза мы даже и не заметим. Зато получим возможность следовать дальше.

О, чудесный Великий Мудрец! Он не проявил ни малейшего страха. Все его мысли были сосредоточены на том, что-бы надлежащим образом охранять Танского монаха. Он оставил дровосека и быстро пошел назад.

— Особенно опасаться нечего, учитель, — сказал он Трипитаке. — Здесь действительно живет какой-то оборотень. Но поскольку народ в этих местах не отличается храбростью, то у них только и разговоров, что об этом оборотне. Ну, а со мной вам бояться нечего. Поехали дальше.

Слова Сунь У-куна успокоили Трипитаку, и он без всяких опасений последовал за ним. Вдруг дровосек исчез.

— Куда же скрылся дровосек, который предупреждал нас об опасности? — спросил Трипитака.

— Вот не везет, так не везет, — сказал Чжу Ба-цзе. — Среди бела дня повстречали привидение.

— Да он, наверное, ушел в лес за дровами, — сказал Сунь У-кун. — Обождите, я посмотрю.

Широко раскрыв свои огненные глаза, Великий Мудрец осмотрел все горы, однако дровосека нигде не было видно. Тут он взглянул вверх и увидел на облаке духа — стража времени. Сунь У-кун тотчас же бросился за ним на облако и, крепко выругавшись, крикнул:

— Почему ты не явился прямо ко мне? Зачем тебе понадобилось проделывать всякие штуки?

Перепуганный дух — страж времени поспешил отдать Сунь У-куну соответствующие почести и сказал:

— Великий Мудрец, я несколько запоздал. Вы уж простите меня. А что касается волшебной силы здешнего духа, то она действительно велика: он владеет искусством различных превращений, и вы можете полагаться только на свою хитрость, изворотливость и ум. Вам следует со всем усердием охранять Танского монаха. Если вы допустите хоть малейшую небрежность, вам нечего и думать о том, чтобы продолжать свой путь.

Сунь У-кун крепко запомнил все, что ему было сказано, и приказал стражу времени возвращаться обратно. Спустившись на облаке вниз, Сунь У-кун увидел, что учитель с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном продвигаются вперед.

«Если я расскажу учителю обо всем, что мне сообщил страж времени, — подумал Сунь У-кун, — он придет в отчаяние, станет плакать и делу ничем не поможет. Пословица говорит: «Когда неожиданно попадешь в омут, то поздно раздумывать, глубокий он или мелкий». Если учителя

захватит волшебник, у меня прибавятся лишние хлопоты. Попробуюка я поговорить с Чжу Ба-цзе, может быть, он первым вступит в бой с духом. И если ему удастся добиться победы, пусть эта заслуга принадлежит ему. Если же у него не хватит сил и дух одолеет его, я успею прийти на помощь и тогда проявлю все свои способности».

Однако он тут же подумал: «Боюсь только, что Чжу Бацзе не захочет первым вступить в бой и будет всячески выкручиваться. А учитель, по обыкновению, начнет поддерживать его, даже если он и неправ. Ну, да ладно, попробую все же заставить его».

О, чудесный Мудрец! Он решил схитрить и начал так усиленно тереть глаза, что у него даже слезы показались.

Увидев слезы на глазах у Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе сказал Ша-сэну:

— Послушай, бросай коромысла и доставай вещи, Мы с тобой разделим их.

— О каком дележе ты говоришь, брат? — удивился Ша-сэн.

— Разделим вещи и разойдемся по домам, — пояснил Чжу Ба-цзе. — Ты вернешься на реку Люшахэ и снова станешь оборотнем, я же возвращусь в селение Гаолаочжуан и буду как прежде жить в семье зятем. Коня мы продадим, а на вырученные деньги купим гроб и преподнесем его в знак почтения нашему учителю. В общем, нужно расходиться и оставить мысль о поездке в Индию.

— Что этот Дурень болтает? — насторожился Трипитака, услышав слова Чжу Ба-цзе. — Ведь мы спокойно идем вперед.

— Я вовсе не болтаю! — возразил Чжу Ба-цзе: — Разве вы не видите, что творится с Сунь У-куном? Он плачет! А уж если Великий Мудрец, которому открыты все ходы и выходы и на небе и под землей, которого ни топор, ни огонь, ни кипящее масло не берут, загрустил, значит, эти горы ничего хорошего не сулят и там действительно живет злой волшебник. Как же можно туда идти таким слабым людям, как мы?

— Ну, ты пока не болтай, — строго сказал Трипитака. — Сейчас я спрошу его. Сунь У-кун, что ты узнал, почему нам не скажешь, а один горюешь? То, что ты стараешься скрыть свои слезы, очень тревожит меня.

— Учитель, — отвечал Сунь У-кун, — человек, который предупредил нас сейчас об опасности, не кто иной, как страж времени. Он говорит, что здешний волшебник необычайно свиреп, а эти горы опасны и непроходимы. Лучше нам вернуться.

Эти слова привели Трипитаку в неопиcуемый ужас. Схватив Сунь У-куна за рукав, он сказал:

— Ученик мой, мы уже прошли половину пути. Как же можно говорить о том, чтобы возвращаться обратно?

— Я, конечно, сделаю все, что в моих силах, чтобы продолжать путь, — сказал Сунь У-кун. — Боюсь лишь одного, что духов здесь много и у меня одного не хватит сил справиться с ними. Правильно говорят: «Будь ты сделан хоть из железа, но когда тебя поместят в горн, из тебя получится всего лишь несколько гвоздей».

— Ты совершенно прав, — подтвердил Трипитака. — Одному, конечно, трудно. Даже в книге о военном искусстве говорится: «Один в поле не воин». Однако с нами идут еще Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Они ведь тоже мои ученики, и ты можешь распоряжаться ими по своему усмотрению. Надеюсь, что все вместе вы благополучно проведете меня через эти горы. А разве это не даст вам возможности вернуться к своему первоначальному чистому состоянию?

Сунь У-кун, который хитростью выудил у Трипитаки согласие, вытер слезы и сказал:

— Если вы хотите пройти через эти горы, надо, чтобы Чжу Ба-цзе выполнил два условия: тогда еще можно будет надеяться, что мы пройдем. Иначе и думать об этом нечего.

— Ну, если ты, брат, не пойдешь, — сказал Чжу Ба-цзе, — тогда нам надо расходиться. И нечего меня зря впутывать в это дело.

— Ученик мой, — молвил Трипитака, — я думаю, что вначале следовало бы спросить твоего старшего брата, чего именно он требует от тебя.

Тогда Чжу Ба-цзе обратился к Сунь У-куну:

— Дорогой брат, скажи, что я должен делать?

— Первое, что ты должен делать, — отвечал ему Сунь У-кун, — это оберегать учителя, второе — разведать дорогу.

— Оберегать учителя, — сказал Чжу Ба-цзе, — значит находиться при нем неотлучно, но, чтобы разведать дорогу, мне надо идти. Ты предлагаешь что-то совершенно невозможное: ты хочешь, чтобы я шел и в то же время сидел возле учителя. Как же я могу это сделать?

— Да я вовсе не хочу, чтобы ты выполнил и первое и второе условие, — сказал на это Сунь У-кун. — Хорошо, если ты выполнишь хоть одно.

— Что ж, в таком случае можно поговорить, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Но ты прежде объясни мне, что входит в мои обязанности? Может быть, одно из этих условий я и соглашусь выполнить.

— Когда учитель будет отправлять свои естественные надобности, — начал Сунь У-кун, — ты должен прислуживать ему; когда учитель станет собираться в путь, твой долг помочь ему сесть на коня. Если учитель захочет есть, собери подаяние и накорми его. Смотри: если только учитель хоть немного проголодается, побледнеет или похудеет, тебя будут бить.

— Нет, это трудно, очень трудно, — встревожился Чжу Ба-цзе. — Прислуживать учителю, помочь ему сесть на коня, это, пожалуй, можно. Я могу находиться при нем неотлучно и даже носить его на спине. Но вот с подаяниями дело обстоит хуже. Ведь здешний народ не знает, что я монах и иду за священными книгами. Меня могут принять за приبلудшую свинью. Целая толпа нападет на меня с вилами и рогатинами, а потом зарежут и засолят впрок к новому году. В этом для меня нет ничего приятного.

— Ну, тогда иди разведай дорогу, — сказал Сунь У-кун.

— Что я для этого должен делать? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Надо отправиться в горы, — сказал Сунь У-кун, — узнать, сколько живет там духов, есть ли пещеры. Зная это, мы сможем свободно пройти.

— Ну, это пустяки! Тогда я отправлюсь на разведку.

Одернув на себе одежду и вооружившись граблями, Чжу Ба-цзе храбро двинулся в горы. Глядя на него, Сунь У-кун не мог удержаться от смеха.

— Мерзкая ты обезьяна, — стал укорять его Трипитака, — почему у вас нет ни привязанности, ни жалости друг к другу? Только и знаете, что творить зло. Ты хитрый, как сайга: уговорил Чжу Ба-цзе пойти на разведку, а сам теперь насмеяешься над ним.

— Я вовсе не над ним смеюсь, — стал оправдываться Сунь У-кун. — А смеюсь потому, что Чжу Ба-цзе не будет разведывать дороги и не отважится встретиться с волшебником. Он просто-напросто укроется где-нибудь и с полдороги вернется. А нам постарается наплести что-нибудь.

— Ты думаешь, что так хорошо знаешь его? — сказал Трипитака.

— Я уверен, что именно так он и поступит, — заявил Сунь У-кун. — Если же вы сомневаетесь в этом, разрешите мне пойти за ним и посмотреть, что он будет делать. Я могу помочь ему бороться с духом и, кроме того, проверю, насколько искренне он служит Будде.

— Ну что ж, отлично! — согласился Трипитака. — Только смотри не подшучивай над ним.

Сунь У-кун обещал не делать этого и помчался вслед за Чжу Ба-цзе. На склоне холма он сделал магическое движение и тут же превратился в цикаду. Это было поистине удивительное превращение. Однако взгляните сами:

Она, паря, по воздуху плыла,
Прекрасный стан был тоньше, чем игла;
Перебираясь через тростники
Иль ползая по травке у реки,
Искала тень, что может дать цветок;
Все стрекотал веселый голосок.
Ее полет был как полет комет,
Из глаз ее всегда струился свет,
Средь насекомых — меньше всех она,
Но хитростью и ловкостью сильна,
В свободный час она стремилась в лес,
Чтоб самый след в густой траве исчез,
И даже сотни тысяч зорких глаз
Найти бы не смогли ее сейчас.

С жужжаньем Сунь У-кун полетел вперед, очень скоро нагнал Чжу Ба-цзе и примостился у него за ухом. Пройдя примерно ли восемь, Чжу Ба-цзе, ничего не подозревая, отбросил свои грабли и, обернувшись в сторону Танского монаха, начал, ожесточенно жестикулируя, ругать его.

— Тряпка ты, а не монах! — кричал: он. — И этот негодник конюх, да и никчемный Ша-сэнь тоже. Все они там идут и горя не знают. А меня, видите ли, послали разведать дорогу, Ведь все мы идем за священными книгами в надежде на возвращение к своей первоначальной чистой природе, а вот дорогу разведывать посылают одного меня. Ха-ха-ха! — расхохотался он. — Узнали, что тут живет волшебник, так надо бы пробраться тайком. Сейчас еще ничего не произошло, а они решили послать меня на поиски. Что за несчастная у меня судьба. Ладно! Где бы это мне пристроиться поспать? Сосну немного и вернусь. Уж как-нибудь выкручусь. Скажу, что осмотрел горы, — и делу конец.

Довольный пришедшей ему в голову мыслью, Дурень подхватил грабли и пошел дальше. Вскоре он увидел ложбину, походившую на залив и покрытую красной травой. Он сразу же бросился туда и, подложив под себя грабли, повалился на землю.

— Недурно я устроился, — сказал он потягиваясь, — даже сам бимавэнь вряд ли чувствует себя: сейчас так хорошо, как я.

Сунь У-кун слышал все от слова до слова и, не в силах сдержать своего возмущения, взлетел

вверх и решил сыграть с Чжу Ба-цзе штуку. Он встряхнулся всем телом и сразу же превратился в дятла.

Клюв заостренный, железный,

Крылья сизые легки,

И пронзают, словно гвозди,

Уцепившись, коготки.

Если голод подкрадется,

Не помеха — тишина,

Ведь гнилая древесина,

Словно лакомство, вкусна

Он стволов звенящих, крепких

Не любил и избегал;

Куцый хвост и глаз лукавый

Эту птицу отмечал.

Треск по лесу раздавался,

Отзывался каждый сук,

Был для слуха неприятен

Этот drobный перестук.

Дятел был не велик и не мал и весил не более двух лян, У него был клюв крепкий, как красная медь, и черные, как железо, лапы. Взмахнув крыльями, дятел слетел с дерева прямо на Дурня. Но тот уже спал. Тогда Сунь У-кун опустилсЯ и клюнул его в губу. Дурень сразу же вскочил и, не понимая, что случилось, заорал:

— Духи, духи! Они укололи меня пикой! Ох, как больно!

Он потрогал рукой губу и почувствовал, что идет кровь.

— Вот несчастье! — сказал он. — Ничего радостного у меня не произошло, а рот почему-то красный. — Он посмотрел на свою выпачканную кровью руку и, бормоча что-то себе под нос, начал озиpаться по сторонам, но нигде ничего подозpительного не заметил. — Кто же мог кольнуть меня пикой?— удивился он.

Вдруг он посмотрел вверх и увидел дятла.

— Будь ты проклят! — зло выругался Чжу Ба-цзе. — Там бимавэнь не дает мне покою, тут ты пристаешь. А, теперь я понял, в чем дело. Дятел принял мою морду за ветку высохшего дерева, рассчитывая под корой найти жучков и полакомиться. Вот он и клюнул меня. Попробую-ка я спрятать лицо.

Тут Дурень снова повалился на землю и заснул. Тогда Сунь У-кун снова слетел вниз и клюнул Чжу Ба-цзе в ухо.

— Вот проклятый! — завопил Чжу Ба-цзе, испуганно вскочив на ноги. — Никак не хочет оставить меня в покое! Наверное, тут где-нибудь его гнездо и дятел боится, что я разорю его, — вот он и пристает ко мне. Ну ладно. Не буду спать здесь.

Сказав это, он взял свои грабли, спустился с холма и, выйдя на тропинку, пошел дальше. Глядя на него, Сунь У-кун так и покатывался со смеху.

«Вот дубина, — думал он. — Глазищи здоровые, а своего человека узнать не может».

Наш чудесный Мудрец встряхнулся, превратился в цикаду и снова устроился за ухом у Чжу Ба-цзе. А тот, углубившись в горы и пройдя еще пять ли, увидел перед собой ущелье, в котором стояли три гранитных квадратных глыбы, каждая величиной со стол. Опустив грабли, Чжу Ба-цзе встал перед ними и громко приветствовал.

«Ну и Дурень, — рассмеялся про себя Сунь У-кун. — Зачем он приветствует камни? Ведь они и говорить не умеют, и на приветствие не ответят. Чжу Ба-цзе, кажется, совсем одурел».

А у Дурня была своя мысль. Он решил прорепетировать, как будет вести себя по возвращении, и вообразил, что перед ним Трипитака, Ша-сэн и Сунь У-кун.

— Когда я вернусь и встречу с учителем, — сказал он, обращаясь к камням, — и меня спросят, живет ли в этих краях волшебник, я скажу, что живет. Тогда они захотят узнать, что это за горы. Сказать, что эти горы вылеплены из глины, сделаны из земли, отлиты из олова, выплавлены из меди, выпечены из муки, склеены из бумаги и нарисованы кистью, нельзя, так как они будут считать меня еще большим дурнем. Скажу лучше, что горы эти — каменные. Если спросят про пещеру, скажу, что она тоже каменная, а ворота обиты железом. Когда же меня спросят, где эта пещера, скажу, что надо пройти три перевала. Таким образом они поверят, что я тщательно все осмотрел. Если же они начнут интересоваться всякими мелочами: ну, спросят, например, сколько в ворота вбито гвоздей, я отвечу, что очень спешил и всего не запомнил. Вот все, что я им скажу. Ну, а теперь можно идти. Здорово я проведу этого бимавэня!

Радуюсь тому, как ловко он все придумал, Дурень, волоча за собой грабли, пустился в обратный путь. Ему, конечно, и в голову не приходило, что сидевший у него за ухом Сунь У-кун все

слышал. Как только Чжу Ба-цзе повернул обратно, он расправил крылья и полетел. Прибыл он раньше Чжу Ба-цзе и, приняв свой прежний вид, поклоном приветствовал Трипитаку.

— Ты уже вернулся? — сказал, увидев его, Трипитака, — а где же Чжу Ба-цзе?

— Он все придумывает, как бы провести вас, — отвечал смеясь Сунь У-кун. — Сейчас он тоже вернется.

— Его уши прикрывают ему глаза, — сказал Трипитака, — человек он недалекий. Где уж ему обманывать других. А вот ты наверное придумал какую-нибудь дьявольскую штучку, чтобы снова подвести его.

— Вот вы всегда так, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Только и знаете, что покрывать его дурные наклонности. А ведь он заранее придумал, что скажет вам. — И Сунь У-кун рассказал все как было: о том, как Дурень завалился в траву поспать, как его клюнул дятел, как он, кланяясь камням, придумал историю о каменной горе, каменной пещере и воротах, обитых железом, а также, что здесь водятся духи.

Не успел Сунь У-кун договорить, как появился Чжу Бацзе. Опасаясь, как бы не забыть, что сказать, Дурень шел, опустив голову, все время повторяя придуманный заранее рассказ.

— Эй ты, Дурень! Что ты там бормочешь?! — крикнул Сунь У-кун.

Тут Чжу Ба-цзе поднял уши и, взглянув на своих спутников, сказал:

— Ну, кажется, я благополучно вернулся домой. — С этими словами он опустился перед Трипитакой на колени.

— Тебе, наверное, пришлось перенести немало трудностей, ученик мой, — молвил Трипитака, помогая ему подняться.

— Вы не ошиблись, учитель, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Тяжело приходится путникам, которые ходят по горам.

— Ну, а духи там есть? — спросил Трипитака.

— Есть, — отвечал Чжу Ба-цзе, — там их целая куча.

— Как же они тебя отпустили? — удивился Трипитака.

— Они даже называли меня своим предком, почтенным тестем, — сказал Чжу Ба-цзе. —

Угощали супом из рисовой муки и постной пищей. А когда я поел, сказали, что проводят нас через горы, со знаменами и с барабанным боем.

— Не иначе как ты видел все это во сне, — перебил его Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе так перепугался, что стал даже казаться меньше ростом.

— Отец мой, — воскликнул он, — да откуда он знает, что я спал?

Тут Сунь У-кун подошел к Чжу Ба-цзе и сказал:

— Ну-ка, иди сюда и отвечай на мои вопросы.

Дурень еще больше перепугался и, весь дрожа, пролепетал:

— Пожалуйста, спрашивай. Но зачем хватать меня?

— Какие там горы? — спросил Сунь У-кун.

— Каменные, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— А пещера какая? — продолжал Сунь У-кун.

— Тоже каменная.

— А ворота? — не унимался Сунь У-кун.

— Ворота обиты железом, — последовал ответ.

— А далеко это отсюда?

— Да три перевала надо пройти.

— Ну ладно, хватит, остальное я хорошо помню. Боюсь, что учитель тебе не поверит, лучше я скажу это вместо тебя.

— Эх ты, рожа! — закричал Чжу Ба-цзе. — Ведь ты никуда не ходил, что же ты знаешь и как можешь за меня говорить?

— А сколько гвоздей в воротах? — продолжал Сунь У-кун. — Скажу им, что я очень торопился и всего запомнить не мог. Ну что, правильно я говорю?

Эти слова повергли Дурня в полное смятение, и он повалился на землю.

— Ты даже приветствовал камни, разговаривал с ними, воображая, что это мы. Может быть, я неправду говорю? — продолжал Сунь У-кун.. — А еще ты сказал: «Составлю-ка я сейчас план, как надуть их всех, а главное этого бимавэня».

Дурень ничего не мог сказать и продолжал отбивать земные поклоны.

— Дорогой брат, — говорил он, — неужели ты следовал за мной все время, пока я ходил разведывать дорогу?

— Я вот тебя, дубина стоеросовая! — закричал Сунь У-кун. — Здесь такое опасное место, тебя послали в горы на разведку, а ты решил отсыпаться. Если бы тебя не разбудил там дятел, ты все еще продолжал бы спать. А после того как он клюнул тебя, ты начал придумывать, как бы получше соврать. Ты совершил тяжкое преступление. Протягивай сейчас же свои поганые лапы, я всыплю тебе пять ударов, чтобы ты крепко запомнил все.

— Твой смертоносный посох слишком тяжел, — сказал Чжу Ба-цзе. — Стоит только притронуться им — и лопнет кожа, а уж если потянуть им, то жилы разорвутся. Если ты раз пять ударишь своим посохом, от меня одно воспоминание останется.

— Если боишься наказания, зачем врал? — сказал Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — взмолился Чжу Ба-цзе, — никогда больше этого не будет.

— Ну, ладно, — смягчился Сунь У-кун. — Но три удара тебе все же полагаются.

— Отец родной, — продолжал молить Чжу Ба-цзе, — да я ведь и половины удара не вынесу.

Окончательно растерявшись, он схватил за одежду Трипитаку.

— Учитель, — умолял он, — замолвите за меня словечко.

— Когда Сунь У-кун сказал мне, что ты собираешься обмануть нас, я ему не поверил. Но теперь вижу, что он был прав. А раз так, то ты заслужил наказание. Беда лишь в том, что людей у нас останется мало. Вот что, Сунь У-кун, ты пока повремени. А когда перевалим через горы, накажешь его по заслугам.

— Ладно, — согласился Сунь У-кун — Еще в древности говорили: «Слушайся отца и мать и будешь считаться почтительным сыном». Раз учитель не велит сейчас наказывать тебя, я повинуюсь. Но ты должен снова пойти в горы на разведку, однако смотри, если ты еще раз поступишь нечестно и попробуешь обмануть нас, тогда пощады для себя не жди.

Дурню не оставалось ничего другого, как отправиться в путь. Он храбро ринулся на большую дорогу. Но теперь на душе у него было очень беспокойно. Ему все казалось, что за ним по пятам, приняв другой вид, следует Сунь У-кун. Поэтому всякий встречающийся на пути предмет он принимал за Сунь У-куна. И вот, пройдя ли восемь, он встретил тигра, который бежал прямо к нему с горы, но он не испугался, так как и его принял за Сунь У-куна.

— Дорогой брат! — сказал он, взмахнув граблями — Опять ты пришел подслушивать. Теперь уж я не буду больше врать.

Он прошел еще немного. И вдруг подул сильный ветер, раздался треск и перед самым носом Чжу Ба-цзе повалилось старое засохшее дерево.

Вздрогнув от страха и колотя себя кулаком в грудь, Чжу Ба-цзе крикнул:

— Дорогой брат! Ну что ты вытворяешь! Говорю же я тебе, что больше обманывать не буду, зачем же ты превращаешься в какое-то дерево?

Пройдя еще немного, он увидел ворона с белой шеей, который несколько раз подряд прокричал у него над головой.

— Дорогой брат, — снова сказал Чжу Ба-цзе, — ну как тебе не стыдно! Раз я сказал, что не буду обманывать, значит, не буду. Зачем же ты превратился в ворона и пришел подслушивать?

А надо вам сказать, что на этот раз Сунь У-кун даже не думал следовать за Чжу Ба-цзе. И тот лишь сам нагонял на себя разные страхи и во всем пытался увидеть Сунь У-куна. Однако оставим пока Чжу Ба-цзе с его страхами и поговорим о другом.

Горы, которые сейчас встретились паломникам, назывались Пиндиншань, а пещера носила название пещеры Цветов лотоса. В этой пещере обитали два духа-оборотня: Золоторогий князь и князь с Серебряными рогами. В этот момент они как раз сидели в пещере и вели беседу.

— Брат, — сказал Золоторогий князь, — сколько времени мы уже не проверяли горы?

— Да пожалуй с полмесяца, — отвечал князь с Серебряными рогами.

— Ты бы пошел сегодня, брат, проверил за меня, — сказал Золоторогий.

— А почему именно сегодня? — спросил другой.

— Ты, видимо, не знаешь, — сказал Золоторогий. — Недавно я услышал о том, что из Китая на Запад следует побратим императора, Танский монах; он идет поклониться Будде. Вместе с ним идут три его ученика: Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. У них есть еще конь. Пойди посмотри, где они сейчас, и постарайся поймать их.

— Если нам захочется полакомиться человеческим мясом, мы можем поймать человека в любом месте, — сказал князь с Серебряными рогами. — Зачем нам этот монах? Пусть идет своей дорогой.

— Ничего ты, видно, не понимаешь, — произнес Золоторогий. — Когда я покидал небо, то много слышал об этом Танском монахе. Это не кто иной, как перевоплотившийся старец Цзиньчан, сошедший на землю. Он святой человек, в течение десяти поколений он занимался самосовершенствованием. И ни в малейшей степени не растратил первозданного положительного начала. Тот, кто поест его мяса, обретет бессмертие.

— Ну, в таком случае, — сказал князь с Серебряными рогами, — нам не для чего заниматься созерцанием, творить добрые дела, затрачивать усилия для приведения в гармонию положительного и отрицательного, мужского и женского начал природы. Сейчас я отправлюсь в горы. Мы, конечно, должны поймать его.

— Уж больно ты горяч, брат, — сказал Золоторогий. — Не спеши и постарайся как следует разобраться в этом деле. Если ты вместо Танского монаха приведешь сюда кого-нибудь другого, тебе самому будет стыдно. Я помню, каков из себя Танский монах. Сейчас я нарисую его и его учеников, и ты захвати рисунки с собой. А там сравнишь и увидишь, Танский это монах или нет. — Он назвал имя и фамилию всех путников.

Хорошо запомнив все и взяв с собой рисунки, князь с Серебряными рогами вышел из пещеры и, захватив с собой примерно тридцать подчиненных, отправился дозором по горам.

И вот несчастный Чжу Ба-цзе, с трудом пробираясь вперед, встретил целую толпу духов, преградивших ему дорогу.

— Эй, что ты за человек? — окликнули они его.

Дурень поднял голову, наострил уши и тут увидел, что перед ним духи. Придя в замешательство, он подумал: «Если я скажу им, что я монах и иду за священными книгами, они непременно схватят меня и уведут к себе. Скажу лучше, что я путник». Духи доложили об этом своему начальнику. Однако среди тридцати духов были такие, которые хорошо разбирались в делах. И вот один из них сказал:

— Начальник, а ведь этот монах похож на Чжу Ба-цзе. — И дух велел показать изображение.

Увидев рисунок, Чжу Ба-цзе окончательно растерялся и сказал:

— Не удивительно, что я все время ощущал какую-то слабость. Оказывается, они вызвали мою душу, чтобы передать мое изображение.

Один из подчиненных духов пикой подправил рисунок, а князь с Серебряными рогами, указывая на рисунок, сказал:

— Вот этот, на белом коне, — Танский монах. Тот, у которого лицо обросло шерстью, — Сунь У-кун.

— О небо! — взмолился Чжу Ба-цзе. — Хоть бы меня там не было. Я принесу тебе в жертву трех жертвенных животных и двадцать четыре фэня вина, — бормотал он, принося обет. — Вон тот, черный, с длинным лицом — Ша-сэнь, а этот, с длинной мордой и большими ушами, — Чжу Ба-цзе.

Услышав свое имя, перепуганный Чжу Ба-цзе втянул голову в плечи.

— Ну-ка, монах, покажи свою морду, — приказал дух.

— Я отроду такой, — отвечал Чжу Ба-цзе.

Тогда дух приказал своим подчиненным взять крюк и вытащить голову Чжу Ба-цзе. Тут Чжу Ба-цзе уже не на шутку переполошился и, вытягивая голову, сказал:

— Ну, мое это изображение, и ладно. Вот я! Если хотите посмотреть, смотрите, зачем же крюк?

Убедившись, что перед ним Чжу Ба-цзе, дух выхватил меч и взмахнул им. Однако Дурень успел защититься своими граблями и сказал:

— Сынок! Не будь невеждой! Ну-ка, познакомься с моими граблями!

— Этот монах лишь недавно принял постриг, — смеясь сказал волшебник.

— Сынок! — снова крикнул Чжу Ба-цзе. — А откуда это тебе известно?

— Раз ты орудуешь такими граблями, — сказал дух, — значит, ты работал на огородах и в поле. А потом украл эти грабли.

— Где уж тебе знать, щенок, что у меня за грабли? — рассердился Чжу Ба-цзе. — Разве можно сравнить их с обыкновенными граблями!

Огромные зубья похожи на когти дракона,
Остры, как у тигра, сверкают златою резьбою,
Встречаясь с достойным противником, вихрь поднимают
И, с равным встречаясь, огнем раскаляются боя.
Сметая преграды, ловя чародеев-злодеев,
Те грабли в пути защищают святого монаха,
Движением тьму вызывают, рождая туманы:
И звезды и солнце скрываются в тучах от страха.
Ударят Тайшаньскую гору — пугаются тигры.
Моря взбаламутят — и в ужас приходят драконы,
Пускай ты владеешь немалой волшебною силой,
Но девятикратно проколот, падешь, пораженный.

Однако дух ничуть не испугался и, прекратив перебранку, выхватил свой семизвездный меч и начал биться с Чжу Ба-цзе. И вот на горе между ними разгорелась битва. Уже раз двадцать схватывались противники, однако все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Чжу Ба-цзе рассвирепел и бился не на жизнь, а на смерть. А дух, глядя на Чжу Ба-цзе, который грозно поднял уши, брызгал слюной, размахивал граблями и что-то выкрикивал, немного трусил и сделал знак остальным духам ринуться в бой.

Сражаясь с волшебником один на один, Чжу Ба-цзе еще держался. Но когда в бой ринулись остальные духи, он растерялся, потерял способность отражать удары и, чувствуя, что терпит поражение, бежал с поля боя. Но тут с ним произошла беда. Дорога была неровная, а бежал он опрометью, запутался в зарослях и упал.

С трудом поднявшись, он хотел бежать дальше, но один из духов сбил его с ног, и Чжу Ба-цзе снова полетел кубарем. Тут на него навалилась толпа духов: один схватил его за щетину, другой — за уши, кто тащил за ноги, кто за хвост, и все вместе уволокли его в пещеру.

И, увы! Поистине можно сказать:

И с одним нечистым духом
Трудно справиться в напасти,
Как же трудно пересилить
Сразу тысячу несчастий.

О дальнейшей судьбе Чжу Ба-цзе вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287311>